

РАССКАЗЫВАЮТ ЛОЕМЧИ

Перед читателем рассказы четырех жительниц села Лоймы Зинаиды Павловны Помысовой, Агнии Павловны Лобановой, Марии Александровны Киршиной и Шехониной Марии Ивановны. В этих рассказах отражена их нелегкая жизнь, но в них проступает и прекрасное прошлое народной культуры Русского Севера.

В речи этих женщин, ярких представителей диалектоносителей, можно «услышать» основные диалектные особенности лоемского говора. Говор Лоймы представляет собой один из диалектных вариантов севернорусского наречия. Некоторые языковые особенности позволяют отнести его к Вологодско-Вятской группе говоров, сложившейся еще в древности, по крайней мере до XV в. Тем не менее говор Лоймы является говором территории относительно позднего заселения и потому может быть квалифицирован как говор вторичного образования. Особое расположение Лоймы (иностранное окружение), с одной стороны, и тесные, никогда не прекращавшиеся связи с вятскими и архангельскими селениями, прежде всего Лальского и Вилегодского уездов, с другой стороны, создали условия для сохранения уникальных не только русских (восточнославянских) по происхождению, но и общеславянских языковых элементов.

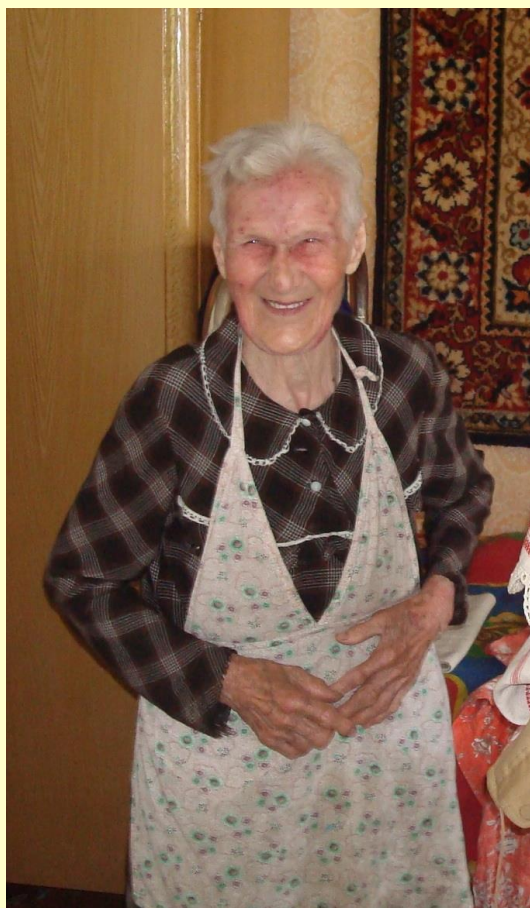
Тексты рассказов записаны в упрощенной транскрипции для более свободного их восприятия, однако в них сохранены особенности диалектного произношения слов. Поэтому читатель может обнаружить и представить себе своеобразие лоемского говора.

Рассказы записаны в ходе фольклорно-диалектологических экспедиций Сыктывкарского государственного университета, аудиоматериалы хранятся в Прилузском собрании Фольклорного архива СГУ им. Питирима Сорокина.

Расшифровка Т.Н. Бунчук.

ПОМЫСОВА ЗИНАИДА ПАВЛОВНА, 1909 г.р. д. Козловская

Зап. Е.А Шевченко 2002 г.

1.

У нас была Ракинская, Ракинская была век свой, теперь только недавно года два вот переделали на Козловскую-ту. Та Козловская-та маленька деревенька была, и вот, а Ракински-ти две в районе, дак оне уж всё век свой так и были, наша-та уж любая Ракинская. О, как нелюбо было, ак мы и доску-ту срывали, бросали и всё, свою-ту деревню жалко ведь нам отдавать-то эку-ту, эко-то своё жито, все-ти её уж знают, нашу-ту. Звали-то у нас уж прозвишшо – каку-ту была Пятковская всё – так всё это пятковчи, пятковчи, всё знали уж всех, а сейчас переделали чё-то на Козловскую дак, чё, а обух плетью не перебьёшь.

Раньше старики рассказывали. У нас была – туды лог и туды лог, дак вот у стариков-то, ешшо у тяти-то я слыхала, штё сюды переселелися чужие

ли где-то откуда-то, из Перми или откуда ле оне, ну. И вот на эту как быдто на пяту, вот как угор вот такой пятой, он ведь крутенькой был, как на звоз-от тут к нам лазили, перву-ту жили, мы катались на санках, только туды смотри, нынть всё сровнено уже, так вот штё вот поселилися как на пяту, как пята человечья, такой вот крутой угорчик, и прозвишшо вот – пята, пята, пятковчи да пятковчи, век свой пятковчи были, но это не писалось, это прозвишшо деревенское было, ну. А теперь вот, вишь, переделано опеть на Козловскую-ту дак, лико, как всё меется везде, всё смешалось в кучу.

Наш род большой: у нас вот двенадцать домов было в деревне-то Пятковых. У Пятковых-то – Помысовы этто, двенадцать домов, а сейчас только уж два дома остались по одному человеку. У отча пять братьёв было, отеч-от последнёй, тятя у мя уж из пяти-то братьёв был последнёй. Дедушко-то уж помер – не помлю, а бабушку помлю. Бабушку как умирала – всё помлю, мне ешшо платочек какой благловила, помлю, в цветочки всё, бабушку Катюшку, она в четырнадцатом году умерла, дак много ли мне толды было. Бабушку уж хорошо помлю, где умирала, трёхлинейная лампочка стояла у её, она на голбче умирала, и как вот наплакивали мама-то наша да снохи-те все, пять было сынов да все уж нажоненось. Натрое розделились все, три дома выстроили, натрое розделились, вся деревня были свои. Дак вот бабушку как сейчас вижу: на голбче лежала, вон там на пече, это у нас голбеч называется, дома-те старыё были. Я вот старый дом тятин как шутя помлю, хорошо, была большая изба старая, две избы были – людно человек-то было, восемнадцать человек семья-то скоплялася, нажонятся, пока не розделилися дак. Дак вот дедушко-то сядут за стол – всем по картошечке розделит из чигуна-то, а сам не возъмёшь! Жита, хлеба хватало, нарабливали уж, земли хоть немного было.

Тятя уж потом, отделилися дак, пался толковой такой дак, работяшшой, нас-то мучил да и сам-от мучился на новочести – розделилися, дак надо скота дёржать да кормить. Потом немножечко стал торговать как быдто уж, съиздит в Архангельск сами с дедей Митрохой, дедя ешшо брат

был ево. Уедут в Архангельск, по бочке сайды накладывают, там по бочке сами, в Архангельске, на море-то, в городе-то, и потом на лошадях ездили по эту бочку. Эту бочку сайды вот, ну трески, так сказать, привезут, в деревне и продают, старались как быдто штё надо как-то людям, а вот где раньше много ли кто продавал, дак вот эти-те люди старались да возили да кормили, ак их всех и розорили.

Нас роскулачили. Я лапти, пожалуй, с ног не сымала, робили, как-то старались, а потом – на, нас всех вот этих, хороших-то людей, роскулачили, дак потом кака-то беднота-та поднялася. Ну, у нас этга в деревне вон всё эта Михайловна Кристина была дак. Собранья соберут бедноту-ту: ково выберут, ково зажиточново, ково закулачить. Роскулачили, сделали – знают, штё неладно сделали. Крестя, Понтихой у нас ешшо звали, у ей прозвишшо было, всё сидела в канаве, не робила ничё, старая, только робят носила: «Ну, нам, думали, роскулачим, дак нам дадут (вот эдак же аккуратно она говорила), ничё нам и не дали». А потом сидит соседка рядом: «Да как не дали, вам просу на кашу давали, бедноте-то вам розделили вам, просы давали, вы и то рады были, все розорили!»

2.

Сказки и анекдоты

Старинныё всякиё, ну как не россказывали, россказывали эти сказки, анекдоты и чё каки – всяки! Про Ивана-дурачка да всякиё, как Иван-царевич птичу-жар поймал. Всю-ту уж не спомнить мне, как ино было-то? Как Иван-царевич птичу-жар поймал, как ему невесту серый волк достал. Слушаю я сказку, сердчо так и мрёт, во трубе ветер злой поёт. Вот сидим, бабушка-та россказыват сказки-те за трубкой про Иванушка-дурачка. Где уж мне теперь, уж всю-ту не упомнить! Много раньше россказывали!

Казак Балда да чёрт-от, хотели оне друг дружку охитрить, чёрт-от хотел ево охитрить. Сговорилися: «Вот, давай, говорит, вот это, которой круг озера скоряе обьидём, ну, обежим». А у мужика-то было два зайча.

«Ну вот, говорит, которой могот обежим, ты или я скоряя». Ну, а он это, чёрт-от побежал, а он зайча-то одново-то отпустил, заяч-от с чёртом-то и побежал. А потом: «Ох, да ты слаб, заяч-то уж у меня в беремии», – говорит, он уж другово зайча-то не отпустил, он опять казак вот этот Балда выиграл. Вот всяки таки интересные сказки-те были, по-старому-то.

А потом опять мужик один вздумал ево: «Давай, говорит, которой на лошаде вот, которой лошадь обнесём круг озера, говорит, скоряя». Ну, чёрт тот, лико, под лошадь забился, на себя как будто, понёс эту лошадь, на себе как будто старатся унести штёбы. А мужик-от ведь хитрой, мужик-от сел наверхного да и объехал это озаро. «Ох, говорит, ты, чёрт, ты опять, говорит, проиграл! Я, говорит, меж ногами лошадь-ту обнёс, а ты, говорит, на спине не мог обнести».

Анекдоты матькавны да всяки, много их есь. Ну вот, знаю один анекдот. Черкву, живопись писали, у нас вот какая хорошая была! Живопись сельску писали. А тут была игуменша, манашки, оне работали все. А одна была манашенька в прислугах у этих, у красильшшиков-то этих, которы писали-рисовали, всё им подносила, краску да воду да всё да. Ну и потом она забеременела, эта манашенька. Ну игуменша и говорит: «Как, почему она забеременела?»

Про шишиху-то много ведь сказок-то. Она в лесу жила, у её избушка была на трёх ножках, у этой, у ведьмы. Она там всё и жила, в ступе летала по воздуху, метла у ёй да ступа, избушка на курьих ножках. Она вот это, кто заблудит, забредут, дак она и это, издевается. Вот выйдет ведьма, шишиха-та эта и выйдет: «Ой, избушка, воротись ко мне передом, к нему задом!» Это кто подходит к ёй. А потом парень один смелой да и зашёл к ёй, не потрусил, давай, говорит, зайду. «А, говорит, я тебя поджарю, счас печь затоплю!» Хочет как будто этово парня в печку садить и поджарить. Ну, а он говрит, на лопату сел да всяко расшарашился: «Дак я ведь не вхожу, ну-ко, ты сedy дак покажи пример-от, как-от мне-ко сись-то на лопату-ту!». Она села, ужалась, он ей – хресь в печь-ту! Ведьму-ту эту сожёт! А тут

опеть две девушки заблудилися дак, к ей пришли дак. Тожо искали потом их, всяко. Она вот на ступе летала, метла да ступа у ей, она, куда задумат, туды вот это и летит, чё где ково надо наказать чё-ко, надругатьча, эта шишиха-та. Но вот парень-от её изжарил тот-то раз, хорошо нарушил её.

3.

Весной пшеничу ли овёс, дак меня бригадир сразу: «Как хочешь, Зина, ты пойдём засевай, на тебя хлеб растёт». У нас на тятю хорошо хлеб рос, ой, наростёт, дак ой. И вот у меня как-то такжо получалося. Я как зас'ию, како полё зас'ию! Бригадир говорит: «Нет, давай, Зина, ты одно хоть полё, да посеи!» На пенсию вышла, да ешшо всё меня волокут засевать. Вот ешшо проробила я четыре-те года эти в совхозе-то вот, и те документы потерелись.

Были тут немчи, я им рассказывала про жись, как мы живём да чё-ко да всё да ешшо, чё-ко между тем и загну, каку прибаутку. Но потом пошли, попрошались: «Ой, бабушка, спасибо жо тебе, ты нас угостила-накормила! Один-от прошшаться стал: «Давай, бабушка, до свиданья, спасибо!» и пийс'ят рублей мне в долонь-ту. Я говорю: «Ой-ё-ёй, у меня нисколько копеечки не бирала, ты чё, у меня мильён людей перебыло, да я не бирала нисколько!» «Нет-нет!» Бежу всугонь-то за им в двери-те. А чё эти им пийс'ят рублей, трём мужикам. Он у меня бегом из избы-то, мне всё равно оставил. Я потом кофту купила и сейчас поминаю: «Это у меня германьчка кофта!»

4.

Зап. Т.Н. Бунчук, 2008 г.

Двадцать восьмого сентября мне наполнится девяносто девять, пойдёт сотой, мне чечас девятосто девятой идёт, до сентября-то доживу – пойдёт уж сотой. Меня привезли в стареньку худеньку избушечку сюды. Миша-то с дедей жил, у Миши-то отеч-от умёр, он остался у мня трёх годов, мой-от

Миша, он с дедей да там жил, а у его ешо были пять сестёр да и брат, да и вот. А дядя-то ходил в чомура туды, ак у Миши-то как отеч-от умёр, брат ему дедя-то Петра, отчу-то Мишиному, он робят-то пожалел да взад пришли с Семушиных-то, да оба с бабой и пришли. Да вот их и рости́л, девок-то, четырёх девок да дедя-то Петра замуж уж отдал, а Миша-то последнёй уж был, Ваня был меньшей, да умёр. Дак вот Мишу-то всё и рости́л, выростил до восемнадцати да и жонил. А мы с Мишой-то всё вмисти в школу ходили, он меня на год моложе, Миша-та, он десятого, я девятого, всё вмисти, за одной партой сидили и всё. Я сроду не думала, штё за его замуж пойду. Мы как с братом жили, как с родным братом, у нас ешшо и родня была: мой-от свёкор мне был братан, он Василей Дмитриевич был, а Митя-та был тятя брат. У тяти-то было пять братьов, дак оне вот настроили эттоко в деревне-то три дома. А пятого-то отдали в Спаспору́б в чомура. Вот вам вся моя жись! А братаны – это вот, скажом, дедя Петра у деди Мити, я у тяти, а тятя да Митя – братья, ак это мы братаны были, не братья, а братаны. А двоюродная, ак сестрёнка. А сколько мне, столько и дому, только переделали в шейсят шестом году. Все опеть три ряда подрубали. Перва там петистенок подрубили... а этга была старая гнилая избушечка, ак её сворочали, только простеночки Миша оставил, кои годны. А тут всё новыё навозили, и петистенок, лико, петистенок тожо изба такая жо, печь есь, дак и живи в обех. У нас счас два петистенка: там петистенок да и здесь. Мы переворочали в шейсят шестом году. Перво там сделали печь и всё, туды перешли, эту сделали, всё в один год мы сделали. Миша-та у мя хорошей был, таких немного мужиков, не знаю, нигде, буди, нет, даром, штё сирота. Сирода, да дедя-то Петра хорошей, дак дедя-то Петра рано его всему научил, всё умел. Вот двери и всё вставит как шутя, сам такоё делал даже ешшо.

Ну, потом колхоз-от организовался в тридцать четвёртом году, Мишу-то задумали председателём поставит, а ему ешшо много ли двадцать-ту пять, знаштё, не было ли ешшо. Ну семь годов я жила же единолично-то

ешшо с им. Мы в двадцать девятом с им жонилися, а трицать-ту четвертом уж в колхоз зашли, и его сразу с первого дня, да он чотырнадцать с половиной годов председателём был, только с перерывом чотыре года – на войну ходил. И всё было красное знамя у нас, не уходило никуды, всё в нашем колхозе было. Знаштё, колхозы-те маленьки толды были, колхозов пятнадцать было в волосте-то. Дома-те ставили сподряд, хто строится, сподряд ставят. Лико, у нас вся деревня сподряд, как хорошо! Вот так сподряд и ставили. Вот тут этто дедя Митя вот тут построился, а этта опеть Василей Васильевич делится семья своя, оне опеть тут построили. Нам с Мишей стали ставить этто сюды одну избу, от деди Петры отделили да, окошки-те уж обломались и всё, старенькой совсем. Так и делили всё. Сделаем мы. Потом Спиридонов сюды был у меня чай пить, а половиков-то не было, пол-от у меня, лико, с половика ширины. Он и пил, пил, говрит: О, Зина Пална, у тя пол-от какой широкой, где-ка сделан-то? Я говорю: это у меня ешшо от дедушка Олёксия. Дяде-то Мите, дедушко-то делил натроё-то их, так же избу отделил с этим-то полом-то. А раньше избы-те большие делали, у нас уж это так метр да и так метр, убавлёно, а лика, кака богадельня. Раньше по двадцать девок посиденок соберутся, надо их куды-то посадить, дак всё эки избы-те натрёкают большиё, тут и крикам сидим. Перва сруб поставят, потом, кому досуг, толды и обделывают. Обделают одну избу, потом другую избу обделают. Мы вот перва в старенькой здись жили, а там пятистенок-от опеть вот уж у нас надо подрубить. Он уж если не подрубишь, худо будёт...Обед уж всё! А толды не было уж неоткуль вина было взеть, дак я самогон гнала, бидон наделаю. А если до обеда я выкурю, дак в обед уж у меня мужики свежой пьют. А толды была треска продавали, вот такая треска, ух, я пестерь трески принесла с повоста, купила: знаёшь, штё надо переделывать. А по пять мужиков ведь были, у меня по чотыре, ну, кормить надо. Я вот пирогов-то напеку, свежих да тёпленьких, да самогон-от накурю, пока они это чё робят, ой, подумать сейчас: где у меня бралось чё, я ведь одна, всё была одна! Перва стая была

срублена, вот чичас она там уж подгниваёт, её бы надо поднеть, угол-от, а хто где, никого. Мы вот по этой стороне-то, по сту человек было, по двести у нас деревня-та, а молодёжи-то ой! Да девок-то да! А чечас мы живём-от чотыре, пять человек-то по этой стороне-то, наших-то старых-то, а тут есть жо со стороны въехали ешшо три семьи.

5.

Нас ешшо ко причесью во Велико говиньё классом, скажом, мой класс, первой или, второй ли, я во втором сидела дак, революция-та уж принялася, только два года и поучилась. Революция стала, нас «Во имя-та отца и сына» только и поучили. Ко причесью-то всех по парочке – дорожка-та ведь не эка была, сани-те только снег хрустит, и идём по двою, класс-от большой был, по многу раньше робят-то училося. Нас там свозят, сдаем грехи и сведут ко пречесью. А раньше ведь была мода: все ж платица как у одные были, беленькая штёб обязательно перелёночка была широкая по плечам. Вот и мы идём там среженные, нас причастят. На другу недилю другой класс ведут. Нас всех перепричащают. С нас-то, с маленьких, каки грехи? А каки у нас грехи-те толды ешшо? Немного и нагрешим! Как родятся – крестить надо сразу, в котёл макнут и всё, имя дадут и. Я ходила примала, не одну примала ешшо, хрёсной была. Как родится, в бане вымьют и сразу назавтре едут в черковь крестить, сразу уж крестят, в котёл макнут, тебе сырого подадут из котла. А я ведь тоже ухала в котле-то, тожо ведь крещионая, хоть не помлю, а. Ой, ревёт, а думаю – ну ладно беда-то! Ну, а я опеть приму – как хрёстна буду, хрёстна считали толды, и передаю матери я. Мати сразу уж его завёртыват, обсушаёт, и толды в черкве помолимся и домой, всё – окрестили, имё дали.

6.

И вот ешшо расскажу. Потом война стала. У мня старшего брата взяли ну как на действительну, на два года. Он там два года ушёд был,

домой уж хотел – вдруг война! Его на войну, да и убили. Нам приходит письмо: на поле брани получил тяжёлые раны Помысов Афанасий, которой через час скончался. Вот мы это письмецё получили. Подписан – его товариш Николай Орловский, а орловский – фамилия ли чё, не знам. Тятя подал заявленьё, как будто без вести пропавший, так потом пришло. Подал заявленьё – розыски нам, как без вести пропавшой пришло письмо, а у нас от товариша есь, мы знам, штё он убит уж.

ЛОБАНОВА АГНИЯ ПАВЛОВНА 1920 г.р. д. Кузнецовская

Зап. Т.Н. Бунчук, Е.А. Шевченко 2008 г.

1.

Я в той деревне родилась, сюды с ёй пришла в сорок семом году. Та была Филипповская, ё уж сейчас нет, все розъехались дак, всё розорено уж, нет совсем ё. Рядом вот тут была, эти ешшо дома-те, лико, новые-те дак,

новы-те дома построили рядом, рядом вот тут на большой-то дороге. Молодые розъехалися, старые умерли, хто уж замуж ушёл да. А это деревня Кузнецовская, Кулигой ё так-то зовут, ну так-то просто Кулига, а Кузнецовская первая у нас этто деревня. А тут вот ручей-от, вот воду-ту несу, ручей – там вторая Кузнецовская, там поменьше домов-то, дак там втора Кузнецовская, эта – перва Кузнецовская. Вторая тожо Кулига. Бежит вот ручей-от, век свой бежит, ручей, а и не знаю, как и назвать, ручей. Гора большая, дак из горы-то бежит, бежит всё. Раньше коней поили, коров тут поили, мытча туды ходим всё, полоскатыча, бельё-то полоскать. Я ведь не городская, век свой деревенская дак, я не умию по-городски-то говорить-то. Мы чё да почё, у нас чё да почё говорится дак.

2.

Раньше Девято воскресеньё собирали, пиво варили, самокур курили и всё! И вся волость к нам, со всей волости ходили. Тут Борок звали, дак на Борке с гармонима ходили, плясали, пили, ой, как весело было. Перва к хозяевам придут к родне, поугошшуютча здисё, а потом вот на Борок идут и тамо гуляют. Ой, тёпло было ведь, сейгод-от холодняе, а те года как-то тепляе чё ли было дак. Ой, ходили всё по улице да с гармонима да рядами да, насобируютча да, о, Господи помилуй. А потом опеть другой праздник – Кириллов день звали, вот туды опеть все волось, там Кириллов день, там так жо, там ешшо больше людей-то, так больше собиралося. Там мост да тамо на мосту пляска, о Господи, какая! И вот как-то мы пошли на Кириллов день, до села дошли (не было радио-то ешшо), до села дошли, и в селе-то объевили войну, войну-ту вот объевили. А мы всё ровно ушли туды, а там уж повески носят, ревут, хто поёт, хто с гармонима ходит, хто на конях везут эти повески-те, вручают мужикам. А до этого-то шибко хорошо жили, а туто-ко больше уж всё! Уж после этого-то девято воскресеньё-то до теперешнего не собирали, нечем собирать-то, исть-то нечо было, а не только ешшо. А мы тожо теперь собирамся колды, другой раз дак поём по-

своему-то, свои старые песни каки-ко.

3.

На посидёнках шили, везали, прели – всё! Чё кто делает. Парни другие ешшо валенки принесут ушивать, всё делали: кто чё шил ли, ушивал ли, вязал ли, вышивал ли. Робята-те не все с роботой ходили, это у кого можот отча нет, а ведь охота с девкима-то с молодыма тожо, а вот мати-то – вот, возьми валенок-от да подшой вмисти там. Ну таки вот стелечки катали, стелечки-те к валенку надо пришить-то. Ну вот и пришивали толды, постегольничу увьют, постегольничу вили, теперь это ну, как и сказать, это раньше изо льна постегольничу вьют, постегольничу навьют и вот валенки-те, сперво стельку простяжат, ё так всю простяжат этой постегольничой, а потом уж к валенку пришивают, изо льна вот этту веревочку навьют. На посидёнке – надо же долго ё ведь свить-то, от повесма отделят немного, через рот её послинят, такую отделят немножко от другоё, наотдилеют и вот потом вьют верёвочки. И потом и валенки ушивать. Не играли никак, да где уж – прели, дак там где уж, каки уж те игры, только все торопятся, надо пресь, и пресь, и пресь и. Надо, хто больше напредёт, кака больше напредёт, ту и замуж берут. Какая тихонечко предёт, другая – у-у-у! дерьгат дак. Ну вот и наглядывают, кака как работает.

4.

Ишшо помочи собирали, знашь, помочь соберут – пенья, лес-от вырубят, пенья пожгут и потом их выкорчёвывають, это пожню делали, пожни. И робяты, и мужиков, и девушек позовут и. А потом сядут за стол: кака девушка пушше ест, ту и замуж пушше берут, значит, этта крепко кушаёт и, значит, работает пушше. Помочи раньше: кулиги катили – вот лес нарубят, нарубят, это не толстой, осенью, а весной, как вот снег сойдёт, вот подсохнёт, это зажигають, и вот это всё так вот эти леса-те так всё катяют. Это горит, огнём горит, это всё, этот лес и трава – всё сжигатся, а потом такие

бороны из ёлок нарубят, это штёбы боронить, штёбы оно боронилось, штёбы вот это. Лён насыют, дак штёбы этто сямя-то пеплом-то, пеплом да землёй да засыпалося. Ой, потом какой лён выростёт, большушой, толстушкой, хорошей! Вот, всяко вот и жили как-то ведь. Если на полосуту сиять дак, надо ведь, хлебом-то своим жили, не продавали хлеб-от. Дак не у всех много было полей-то, для себя-ту, единолично ведь жили. У кого-то мало, дак вот и кулиги-те накатят, дай там и насыют, и рожь сияли. Тожо вот эту кулигу накатят, кулигой звали, накатят, вот лес-от нарубят, а потом вот это катят, катят, всё сжигают, сжигают, а потом эттока пепел да, земля да – вот тут и сиют. Из ёлок борону так наделают, на лошаде и возят, оглобли такие сделают, лошадь-ту запрегут и это вот таскают. Это заборонится всё и, рожь росла, лён-от. Лён-от наростят, а потом его и вырвут да, выполят да, потом его околотят да, потом постелют его. Выкосят, где накошеныё-то пожни, выкосят, он вылётся, штёбы отставало, отставала штёбы костича-та от его, штёбы волокно только было. Много ведь роботы-то было. Это ведь навиной звали, навина была, котора вот эта сожгут дак это навина была. На навину-ту лён сияли. А у кого полос-то мало, мало полосы-то, и рожь посиют, и рожь росла, не так густая, но колосистая рожь, хорошая. Лён да, рожь да, вот и сияли. Убирают, как поспиёт. Лён, дак там головичи ужоть, у льна головичи, а у ржи дак опеть колосистые. Ну где-то к Ильину дню рожь жнут. Последний сноп, уж это овёс раньше жали, овёс. А я вот помню. Овёс у нас выжнут и принесут последней сноп и в сутки поставят. А не знаю, долго ли оно стоит. А это ешшо единолично, я ешшо толды мала была. Это ешшо дедушко да тятя был, раньше этъ тятей звали, это потом уж папой, наши дети стали папыма звать, а мы-то ешшо тятима, тятя да мама. А ешшо до нас батима звали, отча – батей, а мы-то уж тятей.

5.

Гадали раньше? Ой, молчи ты, не говори, деушка – гадали! Вот перед

войной, ешшо до войны это было. Ну, давай гадать. В лесу это. Робята таки жо. Ну вот, зерькало взели, на блюдечке пеплу почерпнули, в баню ушли. Нас пятеро ли чё ли было человек. Перво на парня загадали: давай, чё ему будёт? И только стали гадать, ведь все увидели, стоит войско, чотыре ряда: так стоит, так стоит и тут, по чотыре человека в ряду. Все видим, все видим. Весной-то война и началась! На парня-то нагадали – убили его, убили. Девушка-та беременна-та была, осталася да потом чё – выжила, убрала. А вот на её нагадали: жонятся ли оне? Нет, на её не увидели нечо. Потом на другого парня стали гадать, на другого парня опеть: как машина не машина, не можно понеть, чё это такое, а, видимо, машина была, не могли понеть. А это чё-то войска-те увидели – росстроились, больше нечо не стали смотреть. И потом другой раз опеть собралися гадать. И говорят – давай! А там хозяин один жил, у их корова, и телёнок, и куричи, и петух был. Давай, петуха-то принесли. Колечка навалили, наставили и овёс-от навалили, в колечка-те овёс, ну. Петуха-то тут посадили: давай, с какого колечка будёт клевать, тот и, парни и девки, парни жонятся, а деука замуж уйдёт. Только повернули петуха, а он запел: Ку-ку-реку! И хозеин заходит. И хозеин-от – вы чё, робята, сдурили ли чё? Петуха-то взели, не спросили у него, думали, штё он не увидит! Ну ничо, говорит, зачали гадать, гадайтё. Перво этот опеть, войско-то на которого увидели, у его же этто извалил петух-от, извалил колечко-то, извалилося, и так не клюнул нечо. Так у нас опеть гаданьё не вышло некакоё. А хто его знат. Я ешшо дома, ешшо девушкой была, у мня братья старшыё. Я четвёртая была, сестра замуж ушла, братья обоих взели в армию, нет, это после войны ужоть, я за коровыма ходила, коров доила на фирме. Один-от брат жонился, ушёл, а другого убили, а эти ешшо малы, не робили ешшо, после меня троё.

6.

А я на фирме коров доила, там бабы, знашь, всё рассказывают, мне интересно было, оне там гадают, раньше там гадали. Ну чё, как раньше оне

жили да, как прели да гуляли, всё рассказывают про себя. И рассказывают, та вот: я про себя загадала, так-то про себя загадала: уйдё ли замуж? Одна говорит: я семенами обсыпалася кругом, легла спать дак, и потом чё-ко увидела, куды идти – взвоз, на повить заезжают дак, взвоз увидела, я домой пришла, сперво на печь легла, на пече како-то жито было, рожь ли чё ли навалено было, я поспала, потом проснулася – ой, я на пече, надо идти на постелю; я взяла горсь жита, улеглася, и круг себя вот так обсыпалася: ну, буди, замуж уйду, дак уйду, чё-ко увижу, а не уйду, дак нечо не увижу; и увидела – вот, на ричку ходили, ой там гора кака большая, а я и вижу во сне – одна мне тётка, другая сестрёнка, мы вот на ричке полошшемся, вот бельё полошшом, и тётка куды-то потерялася, а Крестя, сестрёнку Крестей звали, Крестя, куды но тётка-та девалася? Не знаю, куды. Опеть полоскали, полоскали, я и Крестю потеряла сестрёнку, одна я осталася, полошу, чё где. И потом гляжу – чё где я осталася-то? И вот этот-от угор вот я увидела, вот этот угор-от, да как вот сейчас мой угор увидела, эта гора, на ричку вот пойдёшь, этот угор крутой-крутой – и сюды замуж вышла. И вот ешшо, в лесу-ту жили, девушки тожо, вот одна говорит: сама себе загадала: вот если замуж выйду за кого, дак лешаки принеситё, да того принеситё, да покажите мне его да. Если я замуж уйдё, дак покажите мне хто он есь – и уснула. И уснула, руку-ту эдак, с койки-то у ей рука-та эдак свисилася. Да вот, говорит, проснулася – руке-то стало болько, и вот потенуло туды под койку, под койку-ту. Да она всех розбудила, зарявкала да. Вот её за руку-ту под койку-то потенуло! А хто потенул – никого не видко! А до того ёй болько, не может она отташить-то некак, и под койку-ту тенет. Потом заорала во всю голову. А чё, все проснулись – а хто там, никого под койкой-то нет, а руку-то не может оторвать-то из-под койки. Ведь это-то не надо говорить-то, штё лешаки покажитё да принеситё, к ноче-то, это ведь зачем лешакаться-то! А она, видишь, полешакалась вот: лешаки, принеситё, если мой суженой есь да, покажитё да принеситё да. Вот руку-ту и поволокли, через это-то болько, болько! А потом она зарявкала – не можот руку-ту

оттянуть.

Лешаки-те, оне везде есь. Тут вот мельнича недалёко, тут участок был, мельнича недалёко была, можот, оне по мельниче жили. Мне вот одна рассказывала: мололи мы, говорит, мололи, на мельниче-то, и, говорит, ну там мелёт, мелёт, а мы, говорит, навёрху. Я: уж, буди, там много намололо, пойду муку-ту надо сграбить в мешок. Стала, говорит, спускаться-то – там по колесу троё из'дят, по колесу. Я тожо так набоялася. Говорит – нагиё, нагиё, ничо на их нет. Вот троё, говорит, по колесу, которой мелёт-то, колесо сыроё-то ходит, его водой-то его качет, колесо, оно кругом ходит, вот на этом, говорит, троё сидят – кругом да кругом, в воде оне где ле живут да, ведь им не мешат. Дак тожо, говорит, обратно выскочила, у мня, говорит, волосы стали так, а той-то и говрю: Ты чё я там каких-то видела. Она вирит не вирит: чё ты там кого увидела-то? А потом, говорит, обе пошли: надо грабить, полон ларь муки-то набежал, обе, говорит, пошли. Дак чё уж – некого больше нет. А тут у той же мельничи шибко тонули – робятёшка и большіе и. А потом парень утонул не шибко большой, его искать стали дак. Вот один, говорит, нырнул, искать его стал дак – на ём, говорит, рогатой сидит, на этом парне-то. Дак, говорит, вынырнул, дак как белоё берёсто, а не взял его, не смог он к ему подойти-то. Потом другой нырнул да выташшил парня-то, уж неживой парень-от. Рогатой чёрт-от и сидел, душу-ту у его вынимал у парнишка, годов семь было парнишку-то. Это в пруду, пруд-от был запружон, мелинча, в мельничу-ту ведь бежит, видишь, вода-та, а тут пруд запружон, штёбы это колесо-то, вы ведь не видали вот нечо это, как мололи-то раньше на мельничах-то. Это бежит вот вода однем местом там, колёсо вертит, колёсо вертит, и сверху жито там бежит. Там большоё этот камни, камень нанизу, сверху камень, а тамока тресётся сверху-то жито-то. Надо эту месту-то пройдёт штёб, это-то тресётся, мелет, а там жолобок – и бежит книзу-то мука-та. А там ларь поставлён, в ларь-от и бежит.

КИРШИНА МАРИЯ АЛЕКСАНДРОВНА 1923 г.р. д. Тарбиевская

Зап. Т.Н. Бунчук, 2009 г.

1.

Роботали в колхоз’е з’имой, лес воз’или на паре, а летом роботали, кос’или, сгребали, вот в колхоз’е, этто до войны. А потом как война зачалась, я последний год в лесу прожила, вос’емнадцать годов мне в лесу наполнилось, и на трактор меня угнали. Война началась – тракторист-от у меня дядя был, и дядя был председателём, и оне меня вот там решили. На тракторе, на ЧТЗ роботали мы, на большом, на гусеничном такторе, заводила ломиком, у меня, лико, палеч экак сделалс’я.

Толя, ты пушке говори! Раньше Громыковская была эта деревня, а сейчас объединили, обе Тарбиевскиё, первая и вторая. А старинна-та Вас’ильевска-та была, колды колхозы-те маленьки были. Я взамуж за его вышла, пийс’ят шесть годов прожили с им, семьей. Вс’ё было, свадьба и плаканьё, и на конях из’дили, на семи кошоуках по меня приехали тамо, семь кошовок было, много коней-то было. Я этто бригадиром тракторным была, мы с’ им сгуляли, я домой ушла – бабушка пришла свататьча, его мати, и ночёвала у меня. Ну чё, договорилися и с’юда пришли. А я в той деревне бригадиром была, у Пятковых жила, это там жила. А потом свадьбу да плаканьё делали, по меня приехали. Пять столов собирала. Отпировали, отплесали – в плаканьё ведь шибко пляшут девки все, много девок-то, на плаканье-то шибко пляшут девки-те. Потом чё, с’ели и уехали. Приехали сюды.

2.

Лечили старухи-те, поличат, и всё и хорошо, а теперь ниhto ничё не знат, этто раньше, это давно уж. *Как их называли?* А никак, по имю да и всё, оне лечили. Зубы я лечить к одной ходила, у нас одна была дак. Зубы

лечить, ак она у шошка чё-то там читат, читат, читат. Она ведь мне не сказыват, чё читат. У меня зубы очень болели. Гришиха Кукшина, Васьки Жебова мати. Чё-то там читат, читат на воду, скажет – На, попей! на сахар, чё-ко всё это. А ведь она мне не сказыват, чё читат, на зубы. А я боле ничё не знаю. К ёй все ходили и издалека. Вот она слова дула. Вот на воду да на сахар, там у шошка-то чё-ко дуёт, слова-те, она ведь не скажёт. Она хорошая старуха была, все ходили в ёй. А грыжу не знаю, чё как лечили. Грыжа – пуп, дак на пуп дак червяка садят, белого-то эттакого, беленького, мохроватой вот такой. Садят его, он окусит, дак и сразу лучше будёт. Червяк-от, он проход есь, в земле где-ко поглядишь, по дороге другое, где-ко везде проход оне, белой такой-от, совьётся вот такой, маленькой. Шшетинку каку-ту лечили, у детей этто бывает, у меня у детей не бывало шшетинки: это всё в попышках, всё тело в попышках. В бане лечили эту шшётинку. У меня робята были, Коля рос, он счас военной, он был маленькой, меня натакали, ой, как ревёт, не могу. Говорят, через пороги надо пушше, ходить через пороги, пушше шагать, черезо все надо пороги шагать. Дак я на плечо положу да вот – никак не могу успокоить! Мне потом говорят... А зыбка была, вот так качели. Говорят: ты возьми давай, уйди на конюшню и украдь на очеп оглоблю, оглобля, котора увёртыватся в сани, запрягают котору, ты её штёбы люди не видели украдь. Ак я два раза ходила воровала очеп. Некак не спит, только ревёт и ревёт! Шибко плакал. Плачёт, дак всяко делали: ложки моём, ложки чистые моём, этой водой умывам, с ложек умывать надо! Это четыре у стола надо ополоскать, умывать – всяко меня натакивали, он ревел дак, четыре угла у стола, их тожо ополоскать и умывать. До году всё чё-ко худо было, а потом поспокойно. Урочатся! Некоторые посмеютча над нима, вот я посмеюсь над тобой, ой, да чё да там – он изурочится, это не все ведь урочат, и вот он ревёт, робёнок-от. Вот и с этого и велят мыть-то да. Не хочат некоторые, глаза такиё, чёрные глаза, поглядят – не хотят изурочить, а изурочитча! Черные глаза урочатча! Эдак у нас женщина одна, тожо у её глаза чёрные,

она быть не хочёт, не хочёт ничё, а вот ведь. Другая женщина пошла на роботу, грит, у её поросёночек маленькой, накорми его, дак вот она урочливая, плат наложит и узг в рот, так и накормит поросёнка, штёб не изурочился. Оне ведь не урочат, не хотят, а у их урочится само. Ой, беда, ведь чё попало и ляпаю! Ничё у нас не колдовали!

3.

У нас вот эта: сразу, говорит, сырого взяла на руки, робёнка-то. Окушерка приняла роды, потом тут вымыли, я, грит, сырого взяла на руки и всё, неурочливой, дак бери! Отец штёбы любел робёнка – в отчёву рубаху завёртывашь сразу, вот ты будёшь замужём, дак надо знать! В отчёву рубаху, не верхнюю – нижнюю рубашку котору, немытую, завёртывашь его, штёб отец любел. Как родят. Если баня тёплая – в бане сразу вымьют, а если не тёплая, дак дома. Раньше дома рожали. Я Колю-то дома родила, которой у меня в Москве вон там. Мне бабушка помогала, не можошь родить дак, чё-то каку-то читали и всё. Знают! У меня была бабушка, примала роды дак, я чежело рожала-та. Бабушка, буди, спину погладит да и всё. У мня Коля рожался чежело, потом меня бабушка-та вон с кровати на голову ставила, подёржала на голову и всё, штёбы быстрее родила, долго не рожался дак, я чежело рожала его, не знаю, штё-поштё, не первого ведь. А потом девку-ту ешшо рожала, девку дак очень хорошо, как пуля, выбежала. Как беременна-та дак всё можно делать, можошь, дак всё делай, только чежело не вздымай дак, не наваливайся чё-ко, скоту понесёшь в загородках ли чё, на живот можошь навалитча, можошь выкинуть и всяко. Кто дак выкинет, худая матка дак!.. А послед хоронели, где-ко куды-ко дальше, глубже, под взвоз, там взвозы были раньше, вод взвоз ли куды-ко, хоронели, не отдавали собакам. Крестить-то хоть колды можно, можно через недиллю, можно через мисеч, можно через два, хоть колды, всё свое чистое возьмёшь тамо-ко из купели, купают его дак, большой-от котёл. Поп-от спросит: хрёстна есь? Онна скажет женщина – я. Тут рядом стоит, его крестят,

робёнка-то, она берёт у его. Колды год-от наполнится, позовут гостей.

4.

Вот масленича, ак катались на санках, на угоре. Я ешшë в школу ходила, приду из школы, ак мне мати и скажёт: напреди тюричок и тогда пойдёшь кататьча, вот раньше прели да ткали всё дак. Я вот большие рядки на тюричке-то, четыря рядка на тюричок наплету скоряе да толсто, я ведь чë, маленька, да гребенины толсто наплету! А так-то ведь тонко предут эдак-то. Сонопряху вертишь ногой тамо, а тюричок тут вертится. Люди-те катались в масленичу-ту в кошовках, девки-те большие-те в кошовки, в сарафанах соберутча, с гармоньей да, по всёй волосте ездят, вот большие-то. С субботу да в воскресеньë – последни-те дни, ак всё по всёй волосте эти! Это вся недиля масленая, с того воскресенья – это вся недиля маслена, маслена недиля, а только катались девки-те с робятама, с гармонима дак в субботу да воскресеньë. Коней запрегут, лендочек много навяжут на дугу-ту и катают. Робята полну кошовку насадят дак. Раньше и гармоньи были, по гармонье и поют девки-те, ребята играют, а девки поют. А потом чистой понедельник – ничë не делали, работали, потом после масленки говиньë будёт, после масленки, дак всё, масленича прошла.

Вечером девки ходили на посидёнки, целая изба насадится на посидёнках с сонопряхима. Ребята уж придут, робята ходили шибко. Сидят тутока, оне колды в серёдку садятся, подружки есь дак, в серёдку седет к преснице-то. У нас проход сидели девки-те. Я маленька была, ак у нас проход сидели, у нас тятя пускал проход. Девки-те попеременно к себе-то ходят: один день у одного, другой день – у другой девки, а не все пускают, другой ведь старики-те вредные, дак не пускают на посидёнок! Всю зиму ходят. Зима-та ведь долга! Напрядут всё, напрядут, дак опеть ткать, белить, чë попало делать надо, потом на моток-от мотают, дак моток-от потом на снегу, мочат там его, мотки-те кладут в золу, золоная вода, и вот в ёй помочат и стелят на снег, это уж под весну ли, толды делают. На снегу

полёжат, пополошшут и навьют на тюрки и ткать будут. А тюрки вот такие, дыра тамока, а тут стоит такой станок, наложат вот эти на такую и навивают, там вороба, вот так вороба там ходят накрест. Моток ростянут тут вот эдак и наматывашь на тюрки.

На паску деревянные качули ставили какие-то. Я-то не знаю, не видала ничё. А качули такие ставили, на улице где-ко ставили. В Великой четверг по воду ходили, в ручей за водой ходили, утром рано надо. Глаза болят, дак умываютча там в ручье.

ШЕХОНИНА АННА ПЕТРОВНА, 1925 г.р. уроженка д. Гарь

Зап. Т.Н. Бунчук, 2012 г.

1.

Гарь – десеть километров отсюда, в Коржу поидитё как, развалуха деревня наша, развалилась, никого нет. У мня отеч был Петя, а его всё Петрик звали, он уж на Петю не откликался. Петриком как крикнут, и он откликатся. А меня – Анюха Петрикова. Если зухают Анюта Петрикова – я откликнулась, зухали Анна – ничё не понимаю. Ешшо Бурдонята были у нас прозвишша, этто шло поколение от дедушков, звали Бурдонёнком его, а потом поколение-то пошло дальше, дальше, и Бурдонятама и звали. А слово-то – не могу ничё сказать, штё к чему оно относится? Его имя было Бурдонёнок, и от этого слова пошло. Зуята были у нас, тожо эдак же, его, дедушку-то, звали Зуей, потом от дедушка поколение-то пошло вот так и. По матери тожо были прозвишша. У нас вот, например, мама была, звали Дунёй фактически, а её Любавишной, мати-то была Люба, и прозвишшо – Любавишна. И до сих пор счас – Любавишны, мы-то тожо Любавишны, так из поколения в поколение.

А Гарь-то из-за чего – у нас был пожар, и Гарью назвали, а так-то до этого, говорят, Берёзовка звали деревню, Берёзовка, всё кругом березники были. А потом как пожар-от сделался, дак Гарь. Обе деревни стали Гарь, две деревни были тамока, две зараз сгорили. Это в двадцать первом году

ещшо было. Там деревни – Кулига, Годово, Грезово. Кулига да Грезово сгорели, Годово-то не сгорело. Зоя-та у Аксёновых родилась, это там, за Гарью, вот эти деревни сгорели, так за теми деревнями, десеть километров.

2.

Я уж старуха, за осек можно увести да закопать – живу! Осек – это раньше скота дёржали, дак штёб скот-от не переходил, всё этой лентой, ёлкой, сосны, всё попадёт – загораживали от скота. Мы и счас всё осеком зовём. Надоело жить, дак – Увези, говорит, меня за осек! Хоть живого схорони! В таком-то возрасте тяжело ведь, девки, жить.

Какиё ешшо тут праздники – Благовешенье, Христов день, Паска, ой, дикая стала, ничё уж не помлю. Раньше в праздники николды не роботали, грешно, а теперь...Ак кто верует, и счас не робят. Бох, говорят, девки, долго ждёт, да крепко жмёт. В Великой четверг кто мог, дак колдовались, колдуны были, знатливые люди были, колдовали. Кто деньги считал, хто чё. Деньги уж заставят родители считать. Счас папой зовут, а тогда тятёй звали наше поколеньё. Тятя мне – Считай тамока, Анюха, деньги-те, больше накопится. А ведь, тятя, денег больше того не накопится, скока не столе дак. Накопится, считай! Ну и чё – перебираёшь. И сейчас добрые люди считают. И соль ставили, и на соль кусок, кусок собою осыпают и ставят. Скот колды болеёт, этой солью поят. Где икона стоит, к иконе ставишь. Четверижная соль называли её. В Великой четверг гадали, если хто умиёт.

3.

Теперь-то, девки, так уж не поют и не пляшут. Раньше Вилегодская была, Звёздочка, две девки парочкой выйдут дак. И старухи-те тожо, худо шарашатся, а всё ровно идут, вот как хорошо! Старинные песни всё пели. А теперь чё мы – биты да граблены стали, уж в последню дыру попали сюды, дом-от престарелых... Вилегодская-та этто парочкима, в средину две девки

схватятся или два парня и с конча начинают в средину. Раньше-то весело было: посиделки собирали, куделю прели, платки вышивали! Всё делали, без работы не сидели. На посиделки парни с гармоньей придут, с тальянками. Счас-то жить-то лучше, да жить-то не хотят, пьянку открыли, молодыё курят, пьют! А раньше черезо всю дорогу лентой, поперёк дороги идут, по двадцать человек идёт ленда дак, партия за партией, идут с гармошками. А здися-ка, в Лойме, собирались в Ватшоре, а Девято воскресенья, дак в Искре, пять километров отсюда. Ночь проходим, а утром будят – надо косить, а ты ешшо не спал. До обеда идёшь косишь, а после обеда поспела загрёбка – загребашь, вприскачку багашь, ой. Боелись ведь килы-то. Пусь на тебе кила остаётча, на последнего – этто если остаёшша. А это в обиду не брали!

4.

А свадьбы, девка, не росскажешь, хорошо! Сначала высватают, потом плаканье делают у невесты, потом невесту везут домой к жониху, там встречают эти, тысячники, с короваем, короваи большиё делали, на полотенчи. Сноху-ту встречели, ак я это всё видела, мы с тятёй дома были, а мы проспали с им, оне приехали раньше. Он меня по повите, по вино стал посылать в омбар, в омбаре было, нельзя уж через ихнее-то. Потом нас мама ругала. Проспали, а у меня корова не доена – привезли невесту. Вынесла все на улицу, на повить-то, собрала и давай управлеться, а оне чё, гуляли! Плаканье-то как договорятся, скоро хто, хто мисяч отложат, снова пересватывают, может, жоних не согласен. Раньше, ведь теперь с кем сойдется, как собаки, а раньше ведь родители командовали. Пересватывали – если парню она не понравилась, он не хочёт, или девке парень не понравился, тожо не хочёт – вот и пересватываются, ешшо же к ей едут. А потом уж ишшут, если совсем уж категорически откажутся дак: не пойду да и всё! Пересватываются-то так жо. Сватают, дак через матичу-ту не проходят: через матичу перейдёшь, дак не высваташь, упорога стоят, за

матничу не переходят. А если примут, дак толды уж переходят. У нас Петю сватали, брата, в чомура, а он на полатях лёжал, слез через трубку-ту вишь, маме-то говорит: скажите – я не пойду. Ушел, дома не ночевал. Чё, оне до утра посидели, оне уж уехали. На той же недиле снова приехали. Я сказал маме, что не пойду! Всё, не пошёл. У нас тятя чомур был, дак: четере у меня сына – никому не советую идти в чомура! Чё, как петух, утром запоёт: «На чужой пече!» Ну если как в чомура идти дак, берёсту, если хочёшь, ему говорят, в чомура идти, дак вот берёсто зажги и на голову поставь. Если вытерпишь это от жары, голова дак, выслужишь в чомурах жить, а нет... У нас тятя уж хозеином был, сам уж хозеин был, четыре сына было, и всем сказал: Робята, в чомура не ходитё! Петух как утром запоёт: «На чужой пече! На чужой пече!» Всё мне приговариват: На чужой пече! Правда, я на чужой пече: в чомура пришёл дак, так ему казалось, штё петух наговариват ему. Колды в чомура-те, свадьба так жо. Парня-то колды сватают в чомура-те, не издят за невестой, буди. Высватают, какой-то день назначенной, и поедут... До плаканья баню топтли, писни пели – белая баня. Сначала в бане мылись. Баню хрестна топила. А бабы с деревни соберутся и песни вкруг бани-то поют ёй, невеста мьётся в бане, оне соберутся, специально соберутся, песни поют старухи-те. А счас, буди, никто не единой писни, ни одного слова не знают. Я другой раз лёжу-лёжу, кде-ко у какой-то писни отрывок вспомню. Старухи-те учили нас, где-ко сенокосили, на полях, седем кушать, дак бабы учат: девки, вот эдак надо! Наше-то поколениё сильно старухи учили, отдыхать седем и учат писни петь, как жо! Таки хороши женщины были, дак ой! Не обижали нас. Вы подитё, девки, там маленько по-за кустечком-то тюкайтё, коситё, а мы пойдём дальше, хорошие бабы были... А плакали оне, из бани придут, вечером плакали. Не знаю, сколько вечеров плакали. Невесту-ту закроют полотенчом, невеста не видит, глазами не видит, ну она ревет, ёй плачут. Хрестна рядом. А по бокам песню ёй поют: вот, ты уйдёшь в чужие люди, да там ты будёшь в подчиненьи, да как-то интересно всё... А она ревет, невеста ревет слезами

горькими. А ешшо котора не люби-то идёт, не по любви, силой отдают, бывало, силой отдают. Она не хочёт бы за этого парня идти, а родители: вот, пойдёшь за его и всё! После бани-то у невесты волосы не заплетают, так, расчасывают, а к жониху-то её заплетут и цветы-те, платы – всё накладывают, цветы-те, так эдак красоту-ту наложат, взади лендочки всякиё разные, любо поглядеть. А сейчас каку-то пату наложат, три метра волокотя!